зывая о своей благочестивой жизни, правильно относит эти слова к себе: «аз есмь давно в пустыни скитатися стала и пророчествия дар прияла». Очевидно, первая ошибка произошла от неудачного сокращения диалога. Таким образом, мы действительно имеем в данном списке результат слияния двух редакций — факт любопытный особенно потому, что список датируется первой четвертью XVIII в., когда, следовательно, и стихотворная редакция была уже налицо.

Другой более интересный вариант смещанного типа дает сборник Гос. Пуб. Биб. им. Салтыкова-Шедрина О. XVII. 17, второй половины XVIII в. Он изложен прозой, прерываемой иногда рифмованными строками, и в целом дает несколько распространенный и стилистически украшенный пересказ прозаической редакции, в которую вставлен в очень кратком виде диалог кура и лисицы по поводу ее имени. Этот диалог также передан прозой, но отдельные выражения указывают на стихотворную редакцию как на источник его. «Роща татарская» нашего списка заменяет «дуброву зелену» стихотворной редакции; «посла мя господь бог тебя увещати и призывати к покаянию» — ср. «бог мною тя призывает» в стихотворном тексте; «имени твоего не допытаюся.... научи тя именем нарицати» — кратко передается в прозаическом списке: «повеждь ми о имени твоем»; стихотворный титул лисицы — «по божией благодати лисица, преподобная мати, старая красная дивица» — передан: «преподобная и убогая, кроткая и смирная вдовица, чернобурая лисица». Льстивая речь кура к лисице — «сладкая и красная беседа твоя меня удивляет.... и зело умиляет» — сохранена хотя и в пересказе: «таковыя умилныя и прелесныя словеса мне предлагая вещаеши, что аз таковых словес, как и родился, не слыхал». Размышления кура о том, почему лисица так усердно приглашает его на землю — «а ведает, что лисицы кур едят охотно, того ради созывает его доброхотно» в смешанном тексте обратились в прямую речь: «на землю с сего древа приглашаети, и снити ми повелеваети. Но лисица обыкла нашею братьею курами питатся». В стихотворной редакции лисица опровергает это обвинение — «и не точию, что мясных снедей снедаю» и далее подробно описывает свое воздержание; в сп. О. XVII. 17 это передано кратко: «давно никакова я мяса не ем» и т. д.

Число этих примеров можно увеличить, но и они показывают, что, свободно обращаясь со стилистикой своего оригинала, наш редактор все же сохраняет основные мотивы вставленного им диалога. Обрабатывая прозаическую версию, он также обнаруживает свой литературный вкус: стремление к напыщенной, приподнятой речи, некоторый гиперболизм выражений,